

УДК 398.91(=161.1=161.3)

ПАРАДОКСАЛЬНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ**Е.Е.Иванов****PARADOXICAL PROVERBS IN RUSSIAN AND BELARUSIAN****Е.Е.Ivanov***Могилевский государственный университет имени А.Кулешова, Беларусь, ivanov-mgu@mail.ru*

В статье исследуются пословицы с семантикой парадокса. Парадоксальные пословицы в русском и белорусском языках характеризуются двумя семантическими планами, один из которых рассматривается как парадоксальный.

Ключевые слова: *семантика афоризма, парадоксальные пословицы, русский язык, белорусский язык*

The paper is devoted proverbs with semantics of paradox. Paradoxical proverbs in the Russian and Belarusian have a second interpretation, considered paradoxical.

Keywords: *semantics of an aphorism, paradoxical proverbs, Russian and Belarusian*

Введение

Изучению семантики парадокса в пословицах посвящено сравнительно небольшое количество исследований [1; 2; 3], ни в одном из которых не учитывалась принадлежность пословиц к афористическим высказываниям, не эксплицировалась общность семантических свойств и типов парадоксальных афоризмов в литературе и в фольклоре. Парадоксальные пословицы русского и белорусского языков не анализировались в количественном аспекте.

В данном исследовании мы исходим из того, что в строгом лингвистическом понимании семантика пословиц является по своей природе афористической, поскольку действительность в них выражается в обобщенной, универсальной форме, а это значит, что пословицы должны иметь те же семантические при-

знаки и дифференцироваться на такие же семантические типы, что и афоризмы.

Семантика афоризма

В афоризмах, в отличие от всех остальных высказываний, выражаются закономерности существования не единичных реальных и/или закономерности связей между не единичными реальностями [4]. Такой трактовке афористической семантики не противоречит то, что многие афоризмы, особенно пословицы, имеют переносную мотивировку общего значения (часто с утраченной внутренней формой). В этой связи можно возразить, что поскольку образное содержание пословиц всегда опирается на какой-то частный случай из жизни, их обобщенное значение имеет только функциональную природу. Однако любое образное обобщение на уровне вы-

сказывания невозможно без существования на уровне пресуппозиции представления о какой-либо общей закономерности действительности, которая только выражается посредством метафоры [5; 6].

Закономерности существования объектов действительности и закономерности связей между ними, которые выражаются в афоризмах, весьма неоднородны и различаются, например, по сфере своего действия (ср.: *Всему свое время* и *Грибов ищут, по лесу рыщут*), по условиям и формам своего проявления (*Чужая душа — потемки* и *Твори, выдумывай, пробуй*), по степени необходимости своего существования (ср.: *Ничто не вечно под Луною* и *Не знаешь, где найдешь, где потеряешь*), по своему соответствию реальному порядку вещей в мире (ср.: *Лошади едят овес и сено* и *Хоть яловая, а телись*) и т. д. Несмотря на гетерогенность афористической семантики все афоризмы можно дифференцировать в зависимости от разновидностей выраженных в них закономерностей на конечное число семантических типов [7]. Одним из значимых критериев семантической дифференциации афоризмов может выступать отношение высказывания к действительности [8; 9].

Семантические типы парадоксальных пословиц

Все закономерности действительности можно разграничить по их непротиворечивости vs. противоречивости существующему порядку вещей в реальном мире (или в одном из вымышленных миров). В соответствии с этим все пословицы можно дифференцировать по их семантике на не противоречащие vs. противоречащие действительности (ср.: *Пар костей не ломит* и *Сильнее кошки зверя нет*). Все пословицы, которые по своей семантике противоречат действительности, можно дифференцировать на «парадоксы» и «коаны» в зависимости от возможности vs. невозможности толкования выраженных в них закономерностей с точки зрения рационального восприятия и объяснения мира [10].

Пословицы, в которых выражаются закономерности, противоречащие существующему порядку вещей и/или представлениям о нем, однако соответствующие реальности с точки зрения ее рационального восприятия и объяснения, можно определить как «парадоксы». Дифференциальным семантическим признаком «пословиц-парадоксов» является, по мнению Ю.И. Левина, их «аномальная логическая структура» [2], они не подлежат точному определению в терминах формальной логики, т.е. их невозможно однозначно квалифицировать как истинные или как ложные (ср.: *Не вижу — душа мрет, увижу — с души прет; Нынче люди таковы: унеси что со двора — вором назовут; Подальше положишь, поближе возьмешь* и т.п.).

Парадоксальные пословицы разграничиваются по искусственному vs. естественному характеру выраженных в них закономерностей в отношении к определенному порядку вещей в мире (множеству ситуаций, не противоречащих теоретическому или практическому опыту человека). Пословицы, выражающие такие закономерности действительности, существование которых невозможно с точки зрения теоретического или практи-

ческого опыта человека, можно определить как ситуативные (эпистемологические) парадоксы (ср.: *Говорят, в Москве кур доят; И то бывает, что овца волка съедает; Хоть яловая, а телись* и т.п.).

Все остальные пословицы с семантикой парадокса делятся на два типа в зависимости от семантических или собственно логических причин возникновения парадоксальности.

Семантические парадоксы возникают обычно либо в результате неограниченных и неоговоренных специально отношений называния, либо потому, что определенным лексическим (и/или фразеологическим) компонентам в составе высказывания может придаваться слишком «жесткое» значение. Например, известное изречение *Торопись медленно* будет истинным или ложным в определенной ситуации, если допустить его истинность или ложность вне дискурса, но из этого, в свою очередь, следует, что оно алогично («торопиться медленно» можно только в том случае, когда нельзя «торопиться быстро», и наоборот). А это значит, что если даже сформулировать данную мысль со всеми необходимыми уточнениями, то такую формулировку нельзя считать высказыванием с точки зрения логической семантики. В «классическом» парадоксе, на наш взгляд, слова употребляются как «термины» (когда объемы лексического значения и понятия совпадают) независимо от того, является каждое из этих слов многозначным (реально или потенциально) или не является. «Классический» парадокс, можно предполагать, выражается в «терминах» используемых в нем слов независимо от того, является семантика каждого из них полиморфной или не является.

Логические парадоксы обычно возникают в результате логически правильного рассуждения (или вывода) в том случае, когда отсутствуют (намеренно пропущены) тезисы и/или аргументы (ср.: *Чем меньше пьешь, тем больше хмелеешь* воспринимается парадоксально вне контекста, ср.: *Мужчина в баре просит бармена налить ему вначале семь порций водки, потом шесть и т.д., когда же выпил последнюю, сказал: «Парадокс: Чем меньше пьешь, тем больше хмелеешь!»*). Логические парадоксы спонтанно возникают в большинстве случаев в обычном разговоре. Характерны они и для языка науки в случае противоречия двух или более теорий, либо когда новые экспериментальные данные противоречат ранее надежно проверенным теоретическим положениям. Однако в устной разговорной речи, в отличие от научного дискурса, логическая последовательность рассуждения (или вывода), как правило, отсутствует, что способствует большему эффекту парадоксальности высказывания.

Пословицы, выражающие закономерности действительности, само наличие которых не соответствует реальности с точки зрения ее рационального восприятия и объяснения, можно определить как «коаны» [10]. Коаны не являются формально нелогическими, как парадоксы, они бессмысленные, потому что их содержание выходит за грань разумного и принципиально не поддается объяснению вне сферы когнитивного бессознательного. Однако с точки зрения говорящего каждый коан, безусловно, имеет оп-

ределенный рациональный смысл, поскольку каким бы бессмысленным ни казалось нам то или иное высказывание, нужно согласиться с тем, что спонтанно мы все же не можем мыслить ничего нелогического, поскольку в противном случае мы должны были бы вообще нелогически мыслить. Пословицы-коаны функционируют, как правило, в переносном значении, мотивировка которого часто «спрятана» в бессмысленном сочетании понятий и образов. Коанами, как правило, являются все пословицы с утраченной мотивировкой общего значения, т. е. пословицы-идиомы (ср.: *Год прожил — рог нажил, два проживешь — второй наживешь; На воре шапка горит; Оборотись, поросся, в рыбу карася; По одежке протягивай ножки; Семь верст до небес и все лесом* и т. п.). Лишь в единичных случаях встречаются паремии-коаны с прямой мотивировкой общего значения, ср.: *Сын — дед самому себе* (зафиксированное В.И.Далем), что значит «сорокалетняя женщина вышла замуж за двадцатилетнего мужчину, отец которого женился на дочери первой: рожденный от первой пары сын — дед самому себе» [11, т. 1, с. 309].

Парадоксальные пословицы в русском языке

По мнению Ю.И.Левина, впервые описавшего логический аспект семантики русских парадоксальных пословиц на материале сборника В.И.Даля, «другие сборники русских пословиц почти не приводят интересующий нас материал; причиной этого является, видимо, предвзятость большинства собирателей и составителей таких сборников, желающих видеть в паремии-логическом фонде «сокровищницу народной мудрости» (каковым он, конечно, и является), и (разумеется, ошибочно) видящих в пословицах типа *Было бы ненастье, да дождь помешал* образцы безыдейности, глупости или «голового смехачества» [2, с. 504]. Если ограничивать понимание парадоксальности только рамками строгой формальной логики (т.е. логическими парадоксами в нашем понимании), то замечание Ю.И.Левина весьма точно отражает существующий в русской паремииграфии подход к отбору единиц для включения в сборники и словари пословиц.

Если же проанализировать состав паремии-логического фонда русского языка с точки зрения классификации афоризмов, в которых выражаются закономерности, противоречащие действительности (т.е. существующему порядку вещей в реальном мире или в одном из выдуманных миров), то можно обнаружить, что количество алогичных, парадоксальных, бессмысленных пословиц достаточно велико, в том числе в современном литературном русском языке. Продемонстрируем это положение на примере самого известного после сборника русских пословиц В.И.Даля толкового словаря русских пословиц и поговорок выдающегося советского фразеолога и паремииолога Власа Платоновича Жукова (1921—1991).

«Словарь русских пословиц и поговорок» (1991) В.П.Жукова [12] включает около 1200 единиц, которые по их семантике можно разделить на две неравнозначные группы: афористические (примерно 1025 единиц) и не афористические (примерно 175 единиц, ср.: *Был муж, да обьялся гриш; Моя хата с краю, ничего не знаю; Сколько*

лет, сколько зим; Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала и т.п.). В словаре В.П.Жукова нами зафиксирован следующий удельный вес семантических типов парадоксальных пословиц-афоризмов [14]:

— логические парадоксы — около 5 единиц, что подтверждает приведенное выше мнение Ю.И.Левина (ср.: *В сорок два года баба ягода, в сорок пять — баба ягодка опять; Сорок лет — бабий век, сорок пять — баба ягодка опять*);

— семантические парадоксы — около 35 единиц (ср.: *Дело мастера боится; Женский ум лучше всяких дум; И у стен есть уши; Малая собачка до старости щенок; Муж и жена — одна сатана; На безрыбье и рак рыба; Пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву; С волками жить — по-волчьи выть; Что с воза упало, то пропало* и т.п.);

— ситуативные парадоксы — около 180 единиц (ср.: *Бог даст день, даст и пищу; Бог шельму метит; Бодливой корове бог рог не дает; В семье не без урода; Не так живи, как хочется, а так, как бог велит; Человек предполагает, а бог располагает; Яйца курицу не учат* и т.п.);

— коаны — около 40 единиц (ср.: *Бедному жениться и ночь коротка; Бог не выдаст, свинья не съест; В ногах правды нет; Голод не тетка; Зашел к куме, да засел в тюрьме; Молоко у коровы на языке; Ночная кукушка дневную перекукует; Сила солому ломит* и т. п.).

Парадоксальные пословицы в белорусском языке

«Слоўнік беларускіх прыказак» (2002) И.Я.Лепешева и М.А.Яколцевич [13] насчитывает около 1500 единиц, которые по их семантике можно разделить на две неравнозначные группы: афористические (примерно 1380 единиц) и не афористические (примерно 120 единиц, ср.: *Аўчына вырабу не варта; Без мяне мяне ажанілі; Зляпіў бог душу — ні ў пень, ні ў грушу; Сам не гам і другому не дам; Шлюб быў пад плотам, а вяселле потым* и т.п.). В словаре И.Я.Лепешева и М.А.Яколцевич нами зафиксирован следующий удельный вес семантических типов парадоксальных пословиц-афоризмов [14]:

— логические парадоксы — около 25 единиц (ср.: *Адзін сын — не сын, два сыны — палова сына, тры сыны — сын; Адно дзіця — няма дзяцей, двое дзяцей — што адно, а трое — сям'я; На кірмашы і бык цельны; Палавіна свету скача, палавіна свету плача* и т.п.);

— семантические парадоксы — около 55 единиц (ср.: *Абцяганага тры гады чакаюць; І сцены маюць вушы; Маленькая сучачка заўсёды шчання; На воўка памоўка, а мядзведзь цішком; Пашкадаваў воўк кабылу, пакінуў хвост ды гриву; Рыба любіць ваду; Трапіў у вараны, крычы, як яны; У дурнога салаўя і песня нялюдская; У няўмекі рукі не баляць; Чужая рана не баліць* и т. п.);

— ситуативные парадоксы — около 200 единиц (ср.: *Сцеражонага і бог сцеражэ; Бог не цяля, бачыць (пазнае) круцяля; Ліса спіць і курэй бачыць; Няма роду без выроду; Хто парася ўкраў, у таго ўвушы пішчыць; Чалавек страляе, а чорт кулю носіць; Чалавек на гару, а чорт за нагу; Чорт чорта пазнаў і на піва пазваў* и т.п.);

— коаны — около 50 единиц (ср.: Бог не дасць, свіння не з'есць; Голад не цётка; Конская матка не здохла; Мароз сем баб павёз; На злодзеі шапка гарыць; Старцу міля не круг; Што год, то ўдод и т.п.).

Выводы

Всего в словаре русских пословиц и поговорок В.П.Жукова содержится более 260 единиц, которые выражают закономерности, противоречащие действительности, т.е. парадоксов и коанов (примерно 25% от общего количества афористических пословиц). Словарь белорусских пословиц и поговорок И.Я.Лепешева и М.А.Яколевич содержит более 330 единиц, которые по своей семантике относятся к парадоксам и коанам (также примерно 25% от общего количества афористических единиц). Такое значительное количество парадоксальных и бессмысленных (иррациональных) пословиц-афоризмов в русском и в белорусском языках можно объяснить фольклорным происхождением большинства русских и белорусских пословиц, многие из которых изначально были созданы с нарушением привычных категорий восприятия и осмысления мира для того, чтобы привлечь к себе внимание, быстрее и прочнее закрепить в сознании индивида тот или иной социально и/или духовно значимый образец отношения к действительности.

1. Kuusi M. Concerning Folk Paradoxes // Mind and Form in Folklore. Selected Essays of Matti Kuusi / ed. H.Ilomäki. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1994. P. 131-141.
2. Левин Ю.И. Логико-семиотический эксперимент в фольклоре // Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 504-519.
3. Жусупов А.Е. Парадоксальные пословицы (на материале казахского языка) // International Journal of Russian Studies. 2012. № 1/2 (July). Pp. 1-6.
4. Іваноў Я.Я. Праблемы ўласна лінгвістычнага вызначэння паняцця “афарызм” // Славянская фразеология и паремология в XXI веке / под ред. Е.Е.Иванова, В.М.Мокиенко. Минск: Змицер Колас, 2010. С. 237-247.
5. Ivanov E.E. О соотношении прямого и образного обобщения действительности в пословицах и афоризмах // Wort — Text — Zeit XII. Die Phraseologie im Idiolekt und im System der slawischen Sprachen / Hrsg. v. H.Walter und M.Hordy. Greifswald: E.M.A.-Universität, 2013. S. 49-51.
6. Іваноў Я.Я. Семантыка афарызма // Даследаванні па германскай і славянскай філалогіі = Acta Germano-Slavica / пад рэд. Я.Я.Іванова. Магілёў: МДУ імя А.А.Куляшова, 2007. Вып. 1. С. 98-109.
7. Иванов Е.Е. Семантические типы языковых афоризмов (на материале восточнославянских языков) // Literatry i języki słowian wschodnich: stan obecny i tendencje rozwojowe: tt. 1-2 / red. nauk. B.Kodzis, S.Kochman, I.Danecka. Opole: Wyd-wo UO, 1997. T. 2. S. 111-114.
8. Іваноў Я.Я. Семантычная тыпалогія афарызма ў славянскіх і германскіх мовах // Frazeologické štúdie. K 13. kongresu slavistov v L'ubl'ane. 2003. T. III. S. 43-60.
9. Іваноў Я.Я. Семантыка афарыстычных выказванняў (на матэрыяле славянскіх і германскіх моў) // Веснік БДУ. Сер. 4. 2004. № 1. С. 63-68.
10. Іваноў Я.Я. “Парадоксы” і “кааны” як семантычныя тыпы афарыстычных выказванняў // Весті БДПУ імя Максіма Танка. 2002. № 2 (32). С. 82-88.

11. Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. М.: Художественная литература, 1984. Т. 1. 383 с.; Т. 2. 399 с.
12. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 4-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1991. 534 с.
13. Лепешаў І.Я., Якалецвіч М.А. Слоўнік беларускіх прыказак. Мінск: Беларуская навука, 2002. 511 с.
14. Иванов Е.Е., Тарасова М.В. Семантические типы русских и белорусских пословиц // Даследаванні па германскай і славянскай філалогіі = Acta Germano-Slavica / пад рэд. Я.Я.Іванова. Магілёў: МДУ імя А.А.Куляшова, 2008. Вып. 2. С. 188-212.

References

1. Kuusi M. Concerning Folk Paradoxes. Mind and Form in Folklore. Selected Essays of Matti Kuusi. Ed. by H.Ilomäki. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1994, pp. 131-141.
2. Levin Y. Logiko-semioticheskiy eksperiment v fol'klore [Logico-Semiotic Experiment in Folklore]. Levin Y. Selected Works. Poetics. Semiotics. Moscow, Jazyki russkoj kultury Publ., 1998. pp. 50-519.
3. Zhushupov A. Parodoksal'nye poslovitsy (na materiale kazakhskogo yazyka) [Paradoxical Proverbs (on the Kazakh Language)]. International Journal of Russian Studies, 2012, no 1/2 (July), pp. 1-6.
4. Ivanou Y. Problemy własna lingwistyczna wyznaczenia panjaceja “afaryzm” [To the Problem of Linguistic Definition of the Concept “Aphorism”]. Slavic Phraseology and Paremiology in the XXIth Century / ed. E.Ivanov, V.Mokienko. Minsk, Zmicer Colas Publ., 2010, pp. 237-247.
5. Ivanov E. O sootnoshenii pryamogo i obraznogo obobshcheniya deystvitel'nosti v poslovitsakh i aforizmakh [On the Relation is Not Expressive and Expressive Generalization of Reality in Proverbs and Aphorisms]. Wort — Text — Zeit XII. Die Phraseologie im Idiolekt und im System der slawischen Sprachen. Hrsg. v. H. Walter und M. Hordy. Greifswald: E.M.A.-Universität, 2013, pp. 49-51.
6. Ivanou Y. Semantyka afaryzma [Semantics of an Aphorism]. Acta Germano-Slavica. Ed. By Y.Ivanou. Mogilev, Kuleshov University Publ., 2007, Vol. 1, pp. 98-109.
7. Ivanov E. Semanticheskie typy yazykovykh aforizmov (na materiale vostochnoslavjanskikh yazykov) [Semantic Types of Aphorisms (on the East Slavic Languages)]. Literatry i języki słowian wschodnich: stan obecny i tendencje rozwojowe: tt. 1-2 / ed. B. Kodzis, S. Kochman, I. Danecka. Opole: Wyd-wo UO, 1997, Vol. 2, pp. 111-114.
8. Ivanou Y. Semantyczna typologia afaryzma w slawjanskich i germanskich movah [Semantic Typology of Aphorisms in the Slavic and Germanic Languages]. Frazeologické štúdie. K 13. kongresu slavistov v L'ubl'ane. 2003, Vol. III, pp. 43-60.
9. Ivanou Y. Semantyka afarystychnyh vykazvannjaw (na materyjale slawjanskich i germanskich mow) [Semantics Aphoristic Utterances (on Slavic and Germanic)]. Vestnik BSU, 2004, Ser. 4., no 1, pp. 63-68.
10. Ivanou Y. “Paradoksy” i “kaany” jak semantychnyja typy afarystychnyh vykazvannjaw [“Paradoxes” and “Koans” as Semantic Types of Aphoristic Utterances]. Vesti BSPU, 2002, no. 2 (32), pp. 82-88.
11. Dal V.I. Poslovitsy russkogo naroda [Proverbs of the Russian People]: in 2 v. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1984. Vol. 1. 383 p.; Vol. 2. 399 p.
12. Zhukov V. Slovar' russkikh poslovits i pogovorok [Dictionary of Russian Proverbs and Sayings]. 4th ed. Moscow: Russkij jazyk Publ., 1991. 534 p.
13. Lepeshau I., Yakaltsevich M. Slovník belaruskich prykazak [Belarusian Dictionary of Proverbs]. Minsk, Belarusian Science Publ., 2002. 511 p.
14. Ivanov E., Tarasova M. Semanticheskie typy russkikh i belorusskikh poslovits [Semantic Types of Russian and Belarusian Proverbs]. Acta Germano-Slavica. Ed. By Y.Ivanou. Mogilev, Kuleshov University Publ., 2008. Vol. 2, pp. 188-212.